

Как и каждый вечер после возвращения в прошлое, Сакура дождалась, пока родители уснут, и выскользнула из своей спальни.

За ужином, после того как она вскользь заговорила о своих новых друзьях, она узнала много невероятных вещей. Она ожидала, что отец будет шокирован тем, что она подружилась с джинчурики Конохагакуре, но она не была готова к тому, что его лицо выразит удивление, когда мать расскажет ему о своей встрече с тремя молодыми Учиха, особенно с детьми Главы семьи.

«Дети Микото-тян?» - спросил он, подавившись едой, - «Ты подружилась с ними?»

Сакура спросила, не следовало ли ей этого делать, и отец улыбнулся, встал и пошел что-то искать, порывшись в нескольких ящиках; в конце концов он достал старую, пожелтевшую фотографию.

На ней были изображены трое детей, каждый из которых был одет в хитай-атэ Конохи, а прямо за ними стоял и улыбался джонин-инструктор. На мгновение Сакура подумала, что сейчас расплечется, когда в памяти всплыла ее собственная фотография генина из Команды 7, но потом она присмотрелась к юным шиноби.

Один из них явно был Хьюгой, второй - девушкой с длинными темными волосами и глазами, а последний - ее собственным отцом, моложе, ниже ростом, но с той же яркой улыбкой и нелепыми розовыми волосами. Сакура стояла и смотрела на фотографию больше минуты, совершенно сбита с толку. Её отец когда-то был шиноби, но она никогда не знала об этом факте в своём первоначальном времени.

«Это Учиха Микото, - он ткнул указательным пальцем в изображение девушки, - а это мой лучший друг Хизаши».

Хьюга Хизаши. Отец Неджи. Он был похож на того гения Хьюги, которого она знала; он был товарищем и другом ее отца по команде. Сакуре хотелось кричать, но она постаралась сохранить спокойствие и попросила Харуно Кизаши рассказать ей все подробнее.

Оказалось, что ее отец учился в Академии шиноби, стал генином и почти год ходил на миссии со своей командой, пока дед Сакуры не скончался, и Кизаши не пришлось заняться семейным бизнесом, что прервало его карьеру шиноби. Однако он сохранил дружеские отношения с товарищами по команде, особенно с Хьюгой Хизаши и его братом-близнецом, отцом Хинаты, до самой смерти Хизаши.

О своем пребывании в качестве шиноби он рассказал немного, отметив, что единственный раз, когда он надевал свой хитай-атэ после ухода в отставку, был в ночь нападения Девятихвостого. Он получил травму, из-за которой постоянно хромот.

Сакура была слишком ошеломлена, чтобы задавать ему вопросы, выяснять, почему и как, и просто сидела, глядя на фотографию и обдумывая это новое откровение, о котором не имела ни малейшего представления в своей первой жизни.

Отец сказал ей, что если она хочет, то на следующий год ее зачислят в Академию шиноби. Сакура лишь кивнула, поблагодарив обоих за предоставленный шанс, и, поцеловав их на ночь, поднялась наверх в свою спальню, все еще потрясенная.

Шисуй уже ждал там, где они встретились предыдущей ночью. Он попросил ее вести себя тихо и следовать за ним. Они пробирались сквозь ветви, пока не оказались на значительном расстоянии от деревни, но Сакура знала, что они все еще слишком близко к стенам, чтобы их могли поймать патрули АНБУ по периметру.

«Надеюсь, ты не слишком устала, Сакура-чан, - улыбнулся он, а когда она покачала головой, все еще погруженная в свои мысли, продолжил: «Хорошо. Будет лучше, если мы будем встречаться здесь для наших уроков. Кстати, - он сделал паузу и извиняюще улыбнулся Сакуре, - Итачи-тян знает».

«Что знает?»

Шисуи извлек из запечатывающего свитка несколько прикрепляемых мишеней: «Он, видите ли, умный парень. Можно сказать, настоящий гений. И он догадался, что ты, должно быть, такой же вундеркинд, как и мы».

Его взгляд показался ей настолько неодобрительным, что ей пришлось отвести глаза. «Я говорил тебе быть осторожной, Сакура-тян, а ты ходишь и нападаешь на мирных жителей, хотя, я уверен, ты знала об охране АНБУ».

Если бы они действительно выполняли свою работу, мне бы не пришлось этого делать, верно?»

«И в чем же, по-твоему, заключается их работа?»

Сакура пыталась сформулировать ответ. Как она объяснит, что знает о печати и хозяине Кюби, если расскажет Шисуи правду? Это вызвало бы слишком много вопросов, даже если бы он считал ее человеком с огромным талантом и умом.

«Ну, - медленно начала она, - я видела и чувствовала их рядом с Наруто, значит, они защищают его, верно? Но люди продолжают обижать его и обзывать».

Мальчик глубоко вздохнул и придвинулся к ней ближе, положив руку ей на голову: «Я не могу говорить об этом подробно, Сакура-чан, но ты не ошибаешься. Им следовало вмешаться, пока дело не дошло до драки».

Она кивнула, когда он убрал руку, и прикусила губу: «Может, нам стоит поговорить с кем-нибудь? Может, с Хокаге? Просто... это очень несправедливо, что они обращаются с Наруто как с мусором без всякой причины».

«Может быть», - только и сказал Шисуи, после чего резко сменил тему и сообщил, что сначала они поработают над метанием кунаев и сюрикенов. Сакура сделала мысленную пометку купить еще оружия, когда начала тренироваться в стрельбе по мишеням. После того как ей удалось поразить все мишени, Шисуи велел ей приступить к разминочным упражнениям.

«Покажи мне приемы тайдзюцу, которым ты научилась, наблюдая за другими шиноби», - сказал он, когда она закончила.

Сакура показала ему несколько стандартных ката, которые она знала, а затем добавила несколько своих собственных приемов. Разумеется, ничего особенного и без помощи чакры, но Шисуи, похоже, был впечатлен. Они вступили в схватку в режиме «мягкого спарринга»: Шисуи помнил о своем небольшом росте, а Сакура сдерживала свой инстинкт, чтобы включить в бой свой продвинутый фирменный стиль.

«Как думаешь, безопасно ли, если Итачи-сан узнает обо мне?» - спросила она его между тяжелыми вдохами. Проклятье, ей действительно стоит больше работать над своей выносливостью.

Шисуи улыбнулся ей: «Можешь не беспокоиться о моем маленьком кузене. Он защитит твой секрет и убережет тебя от опасности, если возникнет такая необходимость».

«Зачем ты это делаешь?» Вот оно. Вопрос, который не давал ей уснуть почти всю предыдущую ночь. Почему он предупредил ее? Почему он обещал помочь ей тренироваться, не раскрывая ее тайну никому другому? Почему он вообще решил, что ей грозит опасность?

Сакура смотрела, как рубиново-красный цвет его Шарингана снова превращается в оникс. «Это долгая история, Сакура-тян, которую я обещаю тебе рассказать, но не сейчас. Скажем так, - он сделал паузу, словно сомневаясь, что подбирает правильные слова, - мы не хотим, чтобы люди узнали о другом вундеркинде, особенно из гражданской семьи, потому что тогда ты станешь такой же, как мы, или даже хуже».

«Но с вами все в порядке, Шисуи-сан». Она не поняла.

Он рассмеялся, но смех получился ломким и горьким, а последовавшая за ним улыбка больше походила на гримасу. Ветер усилился, поэтому его слова едва долетали до ее ушей: «Я всего лишь инструмент, малыш. Поврежденный до неузнаваемости».

Ее сердце бешено сжалось. Это лицо, этот тон - она уже видела и слышала их раньше. Это напомнило ей о Какаши-сенсее, о том, каким он был во время войны, с которой она пришла, о том, как она нашла его, истекающего кровью, и обработала его раны. Ему было очень больно, он практически бредил, и это был первый раз, когда он хоть немного, но рассказал о своем прошлом.

<http://tl.rulate.ru/book/105587/3964740>